

Николай Гуськов

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАБЫТОЙ КНИЖКИ С. Я. МАРШАКА

В статье сопоставлены шесть вариантов стихотворения С. Я. Маршака «Отряд»: публикация в журнале «Еж» (1928), отдельные издания 1928, 1930 и 1933 гг., итоговый текст, напечатанный в сборнике 1935 г., и переработка М. А. Эффенди 1938 г. Это стихотворение — первое обращение Маршака к теме пионерского движения. Книга была широко известна, высоко оценена критикой, но с 1938 г. до смерти поэта не переиздавалась и в настоящее время забыта. Анализ поэтики, топики и творческой истории текста помогает понять причины такой странной судьбы. Редактируя текст при каждом переиздании, Маршак учитывал изменения реалий, общественных настроений, стилистические и идеологические тенденции эпохи, замечания критики. Стремление поэта согласовать свои творческие установки с внешними требованиями привело к компенсаторному методу редактирования: варьировались композиция и стиль, игровые художественные приемы, добавлялись новые темы, но сохранялся подтекст — философская, этическая проблематика, важная для Маршака. Педагогическая позиция Маршака только отчасти совпадала с задачами пионерского движения, поэтому текст не отражал политической специфики детской организации и перестал публиковаться после появления стихотворений о пионерах, написанных другими авторами в духе официальной идеологии. Однако универсальность и архетипичность содержания, поэтическое мастерство книги «Отряд» позволили ей сохранить актуальность и заслужили внимание современного читателя.

Ключевые слова: С. Я. Маршак, детская литература, творческая история, текстология, русская поэзия XX в., образы пионеров

Большинству детских книг С. Я. Маршака была суждена широкая известность и долгая слава. Редкое исключение — стихотворение «Отряд». Отрывок из этого произведения с иллюстрациями В. В. Лебедева появился в № 22 журнала «Дружные ребята» за 1927 г.¹, полный текст с рисунками Н. А. Тырсы — в феврале 1928 г. в первом номере нового журнала «Еж» (далее О–ЕЖ)². В том же году вышло отдельное издание (О–1928)³, в 1930 г. — новая редакция (О–1930), в 1933 г. — еще один ее вариант (О–1933), включенный в слегка исправленном виде (О–1935) в первый, не дошедший до публики большой сборник поэта «Стихи, сказки, загадки», вышедший в 1935 г. (тираж был конфискован). В 1938 г. в обработке М. А. Эффенди «Отряд» вошел в одноименный сборник Маршака, выпущенный в Баку (О–38). Этот текст, в отличие от прочих вариантов, основанных на О–ЕЖ или О–30, восходит к О–28 с двумя поправками по О–35 и О–30, если не считать отмеченной в подзаголовке «обработки» издателем. В какой мере здесь отражена авторская воля — неизвестно. Издания отличаются по объему: О–ЕЖ — 82 стиха, О–28 — 94, О–30 — 114, О–33 — 112, О–35 — 108, О–38 — 84. Во всех вариантах присутствует лишь 31 строка, которая не переносилась и не подверглась правке. Сначала поэт дополнял текст, очевидно, с учетом критики, а потом сокращал, добиваясь внутренней гармонии всех элементов и стремясь к первоначальному объему. Такая тактика типична для Маршака, как показывает анализ творческой истории его книг. За десять лет стихотворение вышло (включая перепечатки в сборниках) не менее десяти раз, а затем при жизни писателя не переиздавалось⁴. Частые публикации за период с 1927 г. по 1938 г. показывают востребованность «Отряда» и публикой⁵, и официальными кругами, видевшими в нем полезное средство идеологического воспитания, полное же исчезновение из читательского обихода могло бы свидетельствовать о цензурных запретах в связи с изменением идеологических установок, но запреты, если и были, действовали недолго, и при желании поэт в конце жизни мог бы опубликовать произведение, раз в посмертные сборники 1960–70-х гг. оно иногда включалось⁶.

Издательская судьба «Отряда» нуждается в изучении, тем более что это первое обращение Маршака к пионерской теме, за которую поэт не спешил приняться и в 1950–60-е гг., в отличие от В. Маяковского, Н. Асеева, А. Барто и многих, приветствовавших новую детскую организацию почти с самого ее появления в 1922. Вряд ли случайно «Отряд» вышел в период борьбы с «чуковщиной» (знаменитая статья Н. К. Крупской против «Крокодила» напечатана

в «Правде» 1 февраля 1928 г.). Эта кампания затронула и Маршака, но последствия критических атак на него оказались менее драматичными, чем можно было ожидать. Возможно, наличие у поэта стихов о пионерах послужило одним из смягчающих факторов. Подобным козырем Чуковский не обладал. Еще в 1923 г. ему заказали сценарий по «Крокодилу», где Ваня Васильчиков стал бы комсомольцем. «Это, — записал поэт в дневнике, — почему-то меня покорило, и я заявил, что Ваня — герой из буржуазного дома» [Чуковский 2013, 119].

Педагогическая критика восприняла новое произведение Маршака благосклонно, включив его в число отборных детских книг [Чупырина 1930, 24]. Рецензенты отмечали актуальность проблематики [100 книг 1931, 15], указывали, что зарисовки пионерской жизни «сделаны с большой теплотой, красочностью и с той высотой стихотворной культуры, которая ставит Маршака в ряды сильнейших советских поэтов и не только „детского“ масштаба» [Болотин 1933, 14]. Даже те, кто находил идейные недостатки, противопоставлял «Отряд» как удачный образец почти всем детским стихам, создатели которых «изошряются в наилучшем изображении барабанного боя, в наиболее ловком скольжении по скользкой поверхности актуальных тем» [Трифонова 1931, 39]. Раз критики оценивали книжку так высоко, не повлияла ли на ее печальную судьбу — исчезновение из печати — недостаточная удовлетворенность самого поэта его сочинением? Не исключено, что, спеша с публикацией, он не вполне (как ему казалось) доработал текст и поэтому при каждом переиздании стремился усовершенствовать отделку, одновременно учитывая идеологические пожелания критики. Так Маршак, неизменно взыскательный и к тем, чьи сочинения редактировал, и к себе самому, поступал и со стихами с более счастливой судьбой. Анализ произведения и обращение к его творческой истории может содействовать выявлению авторского замысла.

Как ни странно, поэтика «Отряда», в отличие от более известных произведений, описана критиками, которые уже на рубеже 1920–30-х гг. обращали внимание на форму стихотворения, отмечали отдельные приемы, использованные Маршаком. Причина в том, что эстетический эффект, произведенный его стихами, был значителен, «Отряд» с одобрением встретили сторонники формального метода, увидевшие в этом стихотворении квинтэссенцию новаторских приемов ленинградской школы детской литературы. «Техническая сторона стихов Маршака, — сообщал рецензент, —

это первое, что поражает в книжке „Отряд“» [Болотин 1933, 14]. Перечислим наблюдения критики и попытаемся выявить те функции художественных средств, которые не были указаны современниками поэта.

Отмечались ритмико-фонические эксперименты: «прием одинакового мелодического построения (чередования ударных гласных) в соседних строках, вроде: „будто паруса, / рвутся в небеса“ — и... интереснейшие каламбурные рифмы, типа... „языком не мели, будет лодка на мели“»; насыщенность созвучиями, музыкальность тембровой, инструментальной организации, благодаря чему «многие двустипиши лаконичны и выразительны, как поговорки»; «почти везде общее единство ритма» при умелом варьировании уже канонизированной Чуковским и, по мнению критики, несколько «окостеневшей» условной схемы 4-стопного хоря (последний, добавим, часто перемежается в «Отряде» 3-стопным и тонируется при записи строк столбиком), причем «ритмический и тембровый инструментарий не является... самодовлеющей формальной задачей, не оторван от содержания, а выступает все время лишь как неперменный звуковой компонент его» [Болотин 1933, 14]. Замысел, по мнению рецензента, в создании «широкой лирической песни, окрашенной кое-где в теплые юмористические тона, песни с гибкой ритмикой, с системой сходных развивающихся запево и рефренов. Этот же лирико-юмористический тон сказывается и в лепке образов и во всей организации смыслового материала» [Болотин 1933, 14].

Маршак обратился к стилистике загадки в сборнике «Чудеса» (Л.; М., 1925) и вскоре достиг совершенства в ее использовании — вспомним общеизвестное начало «Почты». Композиционно «Отряд» — череда маленьких глав, построенных по катехитической модели (риторический вопрос — ответ). Стилистически это отсылает еще и к пионерским речевкам (об этом жанре подробнее: [Леонтьева 2005]). «Своеобразие творческого метода заключается здесь в особом умении поэта поворачивать предмет какими-то новыми гранями, показывать в давно известных, привычных вещах их особые незамечаемые стороны. Отсюда изображение принимает форму полузагадки, а это в свою очередь перестраивает и самый поэтический синтаксис, вызывая особое построение каждой отдельной картинки-главы в форме вопроса и ответа, загадки и разгадки. ...в этой форме постепенного разгадывания построены не только отдельные главы, но и вся книжка» [Болотин 1933, 14]. Б. Я. Бухштаб резонно приводит текст Маршака в качестве примера

того, как достичь значительного эффекта простейшими стилистическими средствами: «Книжка „Отряд“ построена на художественном использовании такого простого факта языка, как постановка глагола в единственном числе при существительном с собирательным значением. Благодаря последовательному разворачиванию этой „единственности числа“ пионерский отряд представляется как бы единой личностью, и дух коллективизма выражен не в отдельных эпитетах, а каждой строчкой» [Бухштаб 1975, 80]. Впрочем, прием остранения использован не столь уж примитивно, хотя, действительно, именно на основе синекдох и гипербол, традиционно востребованных в загадке, создан портрет коллективного героя — Отряда (это слово, как имя собственное, пишется с заглавной буквы). Каждому важному его признаку посвящено по главке (в О–28 и О–35 они нумерованы): за знакомством внешним (облик и имя) и более фамиллярным (обнаженный вид) следуют описания места обитания, труда (уборка сена) и отдыха (гребля, купание, позднее между ними — верховая езда). В О–30 добавлен обширный финал о вечернем общении у костра: композиция подчинилась не только логике рассказа, но и дневному временному циклу. В О–33 фрагменты, описывающие лагерь и уборку сена, поменялись местами, а в О–35 сцены на реке перенесены ближе к началу, так что изображение лагеря заняло предпоследнее место. Перестановка глав, видимо, упорядочивала логику представления героя публике: от общего к частному и — вновь к общему, от забавного к более серьезному и важному.

Рецензент справедливо подметил и изменение стиля, возникающее за счет чередования точек зрения: меняются и субъекты речи (автор, члены отряда, третьи лица), и степень приближенности к изображаемому объекту, соответственно меняются ракурсы и оптика изображения. «Если первая глава сделана сплошь зашифровано, так что отдельные свойства отряда (занял всю дорогу, топает, как слон, много у него имен и т. д.) выражены в стиле настоящей народной загадки, то чем далее, тем прозрачнее становится разгадка. И, наконец, в последних главах прием загадки окончательно снимается, разговор идет попросту, начистоту: „выхватывай, ребята, картошку из огня“. Параллельно... приему постепенного раскрытия идет прием путешествия вместе с автором по лагерю. За всеми описаниями пионерского лагеря слышен голос большого взрослого человека, приехавшего в лагерь» [Болотин 1933, 15]. С последним суждением трудно согласиться, как и с мнением о том, что портреты пионеров индивидуализированы: «С. Маршаку (впервые

взявшемся за общественно-политическую тему), в „Отряде“ удалось прекрасно показать детский коллектив как единое целое, но не безличное, не абстрактное, а состоящее из живых, обыкновенных ребят» [Трифонов 1931, 39]. Критики, симпатизируя поэту, выдавали желаемое за действительное.

Воплощая идею коллективизма, поэт изобразил пионерский отряд отстраненно, избегая бытописания, создал собирательные и условные образы, далекие, как и традиционная загадка, от реалистической детализации. Описан отряд, действительно, с внешней точки зрения, но глазами не индивидуального понимающего и сочувствующего гостя⁷, а коллективного и безличного постороннего наблюдателя (рефрен сообщает, что в ответ говорят «люди»; очевидно, они же задают и сами вопросы). Это «глас народа», имеющий, впрочем, модификации. Сначала кажется, что он выражает настроения толпы обывателей: изумление, скрытое раздражение, — в речи повествователя преобладает шутиливый тон частушки и «дразнилки». Постепенно все заметнее стилистика высоких фольклорных жанров, слог то напоминает патетику былинного эпоса, то приобретает лирический тон, насмешка соединяется с любованием, даже уступает ему. «Глас народа» теряет социально-исторические коннотации, ощущается как объективный. В последней главке внешняя точка зрения заменена внутренней, присущей самому отряду, отсюда исчезновение загадочности, отмеченное рецензентом. Характеристики, данные от лица смотрящих со стороны наблюдателей, и выражающие авторитетное общее мнение, уже применялись Маршаком, например, в «Мороженом» (1925). Вскоре после «Отряда» поэт синтезировал этот прием с системой катехитических пар и главную разгадку вынес в заглавие книжки — «Вот какой рассеянный» (1930). Ср., например: «— Это что за полустанок? <...> / — Это что за остановка? <...> / — Что за станция такая?» и тройной ответ: «А с платформы говорят: / „Это город Ленинград“» [Маршак 1968, 100–101]. Здесь синтез приемов достиг гармонического баланса, поэтому многие строки стали крылатыми. «Отряд» — один из этапов творческого эксперимента.

Рассмотрим изменения каждой из частей произведения, по возможности выявляя функцию правки.

Описание двух сцен — уборки сена и купания — сохранилось без изменений. Вероятно, поэту удалось реализовать свой замысел наиболее полно. Собирательный герой подобен здесь мощному мифологическому существу, многоголовому, многорукому, заражающему своим резвым игрищем: «Что это за головы / Плавают в реке? /

Чьи там руки голые / Машут вдалеке? / Что за суматоха там / С фырканием и хохотом? // Люди говорят, — / Купается Отряд» [Маршак 1968, 366]. Этот эпизод занимал маркированную финальную позицию в О–ЕЖ и О–28, очевидно, чтобы довести до предела воплощенную в стихотворении идею коллективизма и подлинно праздничное настроение. Ср. неоднозначную восхищенно-ироничную оценку подобной сцены в дневнике Чуковского от 21 июля 1924 г.: «на берег прошли с барабанным боем, со знаменами пионеры и стали очень картинно купаться» [Чуковский 2013, 153].

Еще выразительнее единый герой предстает в процессе труда: для него, как для былинных богатырей, работа превращается в забаву. Цветовая яркость и пестрота изображаемой картины, звукопись, имитация ритма народной песни или даже заговора чувственно передают завораживающее упоение совместным физическим трудом: «Взялся он за дело — / Сразу во сто рук. / Так и загудело / На версту (в О–33 „далеко“ — *Н. Г.*) вокруг. // Как пошел он на луга / Сено сметывать в стога, / Встрепанное сено, / Сено по колено — / С васильками, / С кашкою, / С желтою ромашкою» [Маршак 1968, 366]. В О–ЕЖ, О–28 и О–38 далее следовало: «Люди говорят — / Работает Отряд» [Маршак 1928а, [8]]. Фольклорный тон приведенных строф превращает резюмирующую реплику из пересудов толпы (как в предшествующих главах) в глас народа в высоком смысле слова — авторитетное утверждение истины. В сцене уборки сена такое двустийное показалось поэту избыточным и исчезло, в описании же купания аналогичное резюме сохранилось. Приведенную интерпретацию подтверждает и отказ Маршака от единственной правки рассматриваемых строф: заменив, как делал это в других текстах, вышедшую из употребления меру длины нейтральным «далеко», он скоро вернул оборот «на версту» ради его стилистической уместности в фольклоризированном контексте и большей выразительности.

Тон других частей, посвященных спортивным занятиям и подвергавшихся редактированию, сохраняет элементы народно-эпического пафоса, но пронизан юмором. Правка строф о верховой езде (имелись лишь в О–28 и О–30) стремится к стилистическому уточнению: «Это что за верховой / С непокрытой головой / Прыгает, трясется, / Под гору несется? / Вороной на всем скаку / Повернулся (в О–30 „Обернулся“ — *Н. Г.*) к седоку / Раздувает бока, / Хочет (в О–30 „Рад бы“ — *Н. Г.*) сбросить седока. / А седок свистит (в О–30 „кричит“ — *Н. Г.*), не шутит, / Вороному шею крутит. / Люди смотрят — говорят: / Скачет по полю Отряд» [Маршак 1928а, [8]].

Причины изъятия этого эпизода, видимо, двоякие. Во-первых, модернизация спортивной и военной подготовки в первой половине 1930-х гг.: уменьшилось внимание к верховой езде⁸, Маршак же последовательно устранял реалии, едва они переставали ощущаться актуальными. Во-вторых, при органичности в книжке юмора, коллективный герой в роли всадника смотрится пародийно, непропорционально другим своим ипостасям: хотя с конем он кое-как справляется, но их скачка все же вызывает не любование, а только смех. Отметим и смысловое противоречие: Отряд скачет не то под гору, не то по полю — неясно, по наклонной и неровной («прыгает, трясется») или прямой и ровной поверхности. Автор предпочел не выправлять несообразности, а убрать всю сцену, диссонировавшую с остальными.

В эпизоде гребли юмор и гиперболическая патетика сбалансированы, поэтому часть текста неизменна во всех изданиях: «По команде восемь рук / Опускают весла вдруг, / Загребают / Воду, / Прибавляют / Ходу. // Не зевай, рулевой, / А гляди перед собой! / Языком не мели — / Будет лодка на мели!» [Маршак 1968, 365–366]. Единственная правка журнального варианта (в О–ЕЖ было не 8, а 20 рук) снизила гиперболизм и придала описанию правдоподобия: в спортивной гребле маловероятны лодки с 10 гребцами, между тем четырехместные широко применяются. Последнее четверостишие — аллюзия одновременно на пионерские лозунги, речевки и на сарказм народных «дразнилок», не всегда сочувственных. Описание отряда отчасти наделено фольклорной патетикой, о которой шла речь выше, отчасти же ведется с точки зрения советского обывателя, чье внимание привлекают лишь те важные особенности коллективного героя, которые непривычны. Это особенно заметно в подвергавшемся правке начале эпизода. В ранних изданиях: «Что это за флот / По реке плывет? / В длинной лодке остроносой (в О–ЕЖ и О–28: В лодках остроносых — *Н. Г.*) / Чернокожие (в О–ЕЖ и О–28: голые — *Н. Г.*) матросы» [Маршак 1928а, [10]; Маршак 1930, [14]]. Как видим, наблюдателя удивляет специфический вид судов для спортивной гребли, похожих не на рыбацьи челноки или прогулочные лодки дачников, а на экзотические средства передвижения диких народов, и внешность гребцов (подробнее — ниже). В О–33 и О–35 четверостишие заменено: «Что это за лодки / По реке плывут? / Что это за глотки / Буденного поют?» [Маршак 1968, 365]. Отметим, во-первых, снижающие синекдохи (торжественный «флот» сведен к обычным «лодкам», а романтические «матросы» к грубым «глоткам»), во-вторых, отсылку к революционной песне

как напоминание об идеологической направленности пионерских забав.

Больше всего переделывались две вводные части «Отряда», где дан облик одетого и обнаженного героя и названо его имя. Изумленно-ироничное описание ведется с уже известной нам точки зрения стороннего наблюдателя.

В качестве вступления конкурировали два варианта. Первый начинается отрывок, напечатанный в «Дружных ребятах», и О-30, а в прочих изданиях он следует за второй строфой: «Кто это (в О-ЕЖ, О-28, О-33: „Шибко он“ — Н. Г.) шагает / Ростом невелик, / Встречному трамваю / Ехать не велит. <...> / Занял / всю дорогу, / Топает, / как слон» [Маршак 1930, [4]]. Воплощенный здесь классический топос — «великое в малом»: мощный потенциал часто скрыт в том, кто кажется неприметен и слаб, а тем более в группе таких существ (как в «Отряде») — один из лейтмотивов зрелого творчества Маршака (ср. стихотворение «Великан» или программный доклад 1934 г. «О большой литературе для маленьких»). «Повелительное, требовательное, волевое начало ценилось им — вспоминал Чуковский, — превыше всего — даже в детских народных стихах. / — Замечательно, — говорил он... ..что в русском фольклоре маленький ребенок ощущает себя властелином природы и гордо повелевает стихиями... Все эти „не давай“, „перестань“, „выглянь“, „гори“, „припусти“ Маршак произносил таким повелительным голосом, что ребенок, обращающийся с этими стихами к природе, показался мне и вправду властелином радуг, ураганов, дождей» [Чуковский 1988, 123–124]. Именно такими чертами наделен детский коллектив в сценах уборки сена и купания. Во вступлении «Отряда» сказочные гиперболы помещены в городскую повседневность, противопоставлены ее нормам и потому снижены, создают не величественный эффект, а смущают и забавляют. Правда, для усиления серьезного начала в О-35 эпитет «шибко» (шагает) заменен на «твердо», идеологически более уместный для характеристики отряда как организованной группы волевых и убежденных людей.

Имитируя типичный для современников отстраняющий взгляд, автор переставил строфы. Все издания, кроме О-30, начинаются вульгаризмом («что там за») и перечислением аномальных, с общепринятой точки зрения, черт собирательного героя: «Что там за прохожий / Идет по мостовой? / Что за краснокожий / С голой головой? / Легкая рубашка, / Короткие штаны, / На боку баклажка / С левой стороны» [Маршак 1968, 364]. Логично в качестве очередной строфы дополняет картину зачин О-30 (см. выше), а после

характеристики имени — и неизменные во всех вариантах строки второй главки: «Кто это такой / В поле над рекой / Жарится на солнышке / День-деньской? // Где его рубашка? / Где его штаны? / Где его баклажка / С левой стороны? <...> // Вся его одежда — / Жареная кожа, / Только и всего — / И больше ничего» [Маршак 1968, 365]. Описано то, что бросалось в глаза непосвященному зрителю (обывателю 1920-х гг.), которому непонятны (а потому казались неприемлемыми) поведение и внешность пионеров.

Во-первых, дети идут не чинно по тротуару, а шумно по мостовой, мешая транспорту, который по правилам дорожного движения, обязан останавливаться при переходе улицы организованной группой молодежи⁹. «Идем по Садовым улицам, четко отбивая шаг по булыжной мостовой... ...вспоминал один из первых пионеров Б. Ф. Кудинов подобный эпизод, — и врезаемся в людское море Сухаревского рынка, самого большого и многолюдного в Москве. Зычные звуки пионерского горна помогают нам продвигаться вперед. Народ расступается, образуя коридор. Обитатели Сухаревки с любопытством рассматривают нашу процессию» [Кудинов 1972, 63–64]. Раздраженно реагировали на шествия пионеров и наблюдатели более просвещенные, чем рыночная толпа. М. М. Пришвин предостерегал: «отправляясь на охоту, не надо бить в барабан, как делают это в наше время пионеры. На многие километры... распугивают все живое вокруг себя галдежом возле своего лагеря» [Пришвин 2009, 209]. Во-вторых, наблюдателям кажутся непристойными минимальная одежда участников отряда в городе, обнаженность на природе, выбритые головы, интенсивный загар: «В самом деле, для какого-нибудь английского или немецкого буржуа, а иногда и для нашего отечественного нэпмана или приехавшего в город деревенского богатея щеголяющая в майке и трусах физкультурница являет зрелище в высшей степени... „порнографическое“ и богопротивное» [Майзель 1928, 130]. Перечисленные черты соответствовали предписаниям гигиены тех лет и установке на спортивный образ жизни. Нудистские тенденции уже в начале XX в. проникли в Россию из Германии и были популярны в радикальных левых кругах. К середине 1920-х гг. деятельность общества «Долой стыд!» и подобных ему прекратилась, но педагоги, педологи, руководители молодежных организаций продолжали поощрять пребывание на открытом воздухе в обнаженном виде или легкой одежде, спорт, водные процедуры. В отличие от обывателей, врач в молодежном доме отдыха восхищается: «Большинство — в трусах и майках, от чего вся столовая кажется более светлой и живой»

[Каган 1929, 29]. Подобный стиль одежды решал и материальные затруднения. «В период всего лагерного сбора везде и всюду, даже по лесу мы ходили босиком, — вспоминал Кудинов, — Этим мы закаляли свое здоровье и берегли обувь, с которой тогда дело обстояло еще очень плохо» [Кудинов 1972, 66]. К середине 1930-х гг. отношение официальной идеологии к обнаженному телу стало консервативнее, пропаганда его и в быту, и в искусстве ослабла. Показательно анонимное стихотворение, где высмеяно в облике и поведении подростка то, что недавно восхваляли: «Прическа — штопором. Фуражка / В руках (должно быть, для красоты). / А где же брюки? Где рубашка? / На нем лишь майка и трусы! / Взамен тетрадей — сбоку фляга, / Мешок пудовый виснет с плеч... / Дрожа от холода, бедняга / К друзьям по группе держит речь: / „Привет! Не осуждайте строго, / Что опоздал немного я. / Не узнаете — Пупкин Гога! / Мы с вами старые друзья. <...> / Мне холод вовсе не помеха. / Я загорать набрался сил...“ / Вся группа корчит-ся от смеха. / — Ай, Гога Пупкин! Насмешил! / Что за потешная фигура! / Надумал шляться без порток!.. / Смеются все. И смотрит хмуро / Один лишь только педагог» [Гога Пупкин 1933, 4].

То, что прежде внедрялось как повсеместная норма, допустимо только при отдыхе на природе. Маршак тоже сократил упоминания об обнаженном теле (ср. правку сцены гребли), сохранив их лишь в начале книжки. Интересна судьба уподоблений Отряда диким племенам. Во всех редакциях сохранено сравнение с индейцами, от которых энергично и воинственно движущиеся, полуодетые и загорелые пионеры отличаются тем, что обриты наголо, а не украшены перьями («краснокожий с голой головой»). Игры в вольнолюбивых героев Лонгфелло и Купера сохраняли в предвоенные десятилетия популярность у советских школьников. «...мы просмотрели захватывающую постановку „Гайавата — вождь ирокезов“, — сообщает мемуарист, — После просмотра этого спектакля мы долго играли в индейцев и копировали отважного Гайавату, боровшегося за свободу своего народа против ненавистных поработителей — колонизаторов» [Кудинов 1972, 55]. Уподобление же гребцов неграм («чернокожие матросы») как способное вызвать нежелательные ассоциации с рабами, устранено уже в О-33. Ср. обязательную в букварях тех лет фразу «Мы не рабы. Рабы не мы».

Возможно, подобные ассоциации содействовали изъятию в О-35 из второй главки строфы: «Накапились плечи / Горячее печи, / Шея / и спина / Чернее / чугуна» [Маршак 1928а, [5]]. Индустриальные сравнения в духе эстетики Пролеткульта долго

сохранялись в агитационном дискурсе. Так, вожатый 1920-х гг. «пытался определить характер юного пионера: „Это смесь огня с железом: он крепок, как железо, и ярок и отчетлив, как пламенеющий в темноте костер. <...> Воля пионера — это стальная пружина, готовая во всякое время к действию и напряжению“» [Дмитревский 1969, 55–56]. В середине 1930-х гг. символика металла и тяжелой промышленности оставалась авторитетной как условное сопоставление (от псевдонимов вождей Сталина, Молотова или эпитетов «железный нарком» и т. п. до прославленного заглавия романа «Как закалялась сталь»), но реализация метафоры в виде металлических антропоморфных фигур выглядела устаревшей. Кроме того, возникала неуместная, вряд ли введенная намеренно ассоциация с широко бытовавшей народной дразнилкой: «Пионеры юные, головы чугунные, души оловянные, черти окаянные» [Панферов 1972, 219]. Еще недавно поэт воспевал возлюбленную, у которой «в Свердловии¹⁰ третий год / Голова куется, звеня» [Малахов 1925, 549], в середине 1930-х гг. подобные комплименты уже не поощрялись. Аллюзия же на популярный шуточный рефрен пионерских и комсомольских речевок, быстро утративший с ними связь и встречавшийся в текстах самого неожиданного, даже сомнительного содержания: «Во — и больше ничего!» — в описании загорающих (см. выше) сохранился во всех редакциях «Отряда».

Особенно настойчиво поэт правил строфу об имени Отряда. Создавая образ коллективного многоименного существа, Маршак стремился соблюсти баланс мужских и женских имен и добиться их звукового подобия, максимального созвучия. Сравнение вариантов строфы¹¹ показывает, что вторая задача возобладавала. Только в О–ЕЖ мужские и женские имена численно равны и чередуются парами. Уже с О–28 мужские имена за счет третьей пары преобладают, поэт колеблется между смешанными и однополыми парами, подбирая при этом большую степень созвучности. В результате после прибавления еще двух строк (четырёх имен) из образующих шестистишие 77 звуков только 5 ([л], [с'], [ф],[д], [х]) оказались не задействованы в повторах звуковых сочетаний и одиночных аллитерациях и ассонансах, и дело даже не в статистике (процент выпадающих из эвфонии фонем примерно одинаков), а в ощущении полной звуковой гармонии. Интересен восходящий по двустишиям ассонанс на [а], [о], [и]. Хотя в советских молодежных организациях проблема равноправия полов была актуальна и активно обсуждалась, эмансипация женщин сводилась прежде всего к их уподоблению мужчинам. Поэтому повышенная маскулинность

списка казалась автору приемлемой, а к фонетическому воплощению единства коллектива он отнесся взыскательнее.

Примечательно добавление в О–35 к 8 относительно нейтральным, во всяком случае, распространенным именам пары немецких — Фридрих и Алиса, воспринимаемых либо как иностранные, либо как новые, советские, данные не по святам (уже достигло пионерского возраста поколение, рожденное в 1920-е гг. и носившее самые невероятные прозвания), и пары традиционных, воспринимавшихся как крестьянские — Тит и Василиса (пионерское движение достигло и деревни). Эта остроумная вставка рассчитана на идеологический эффект: подчеркивается интернациональный и надклассовый характер пионерской организации. Интересна и обработка рассматриваемых строк, предпринятая Эффенди в О–38: «Коля он / И Саша, / Оля / И Наташа, / Игорь и Никита, / Глеб и Маргарита, / Фридрих / и Алиса, / Тит / и Василиса» [Маршак 1938, 4]. При том же распределении по половому принципу, что в О–30, использована смягченная, ласковая форма имен. К концу 1930-х гг. грубоватая манера обращения, которая господствовала в период формирования советских молодежных организаций и поощрялась их руководителями, кажется левым перегибом, противоречащим новому этикету, все более ориентированному на дореволюционные образцы. Все исходные имена, кроме Коли и Оли, заменены. В О–38 явно преобладают имена городского, пожалуй, интеллигентного круга: хотя на протяжении 1930-х гг. степень популярности таких, как Николай, Александр, Ольга, Наталья, была различной, но средняя их частотность в этой среде колебалась мало (источник статистики см.: [Популярность]). Иначе складывалась судьба общенациональных имен, исключенных Эффенди: Мария, всегда лидировавшая до 1930 г., к 1937 г. оказалась на 16-м месте по частотности; Иван и Алексей с 1928 г. к 1938 г. переместились соответственно с 9-го и 18-го на 31-е и 29-е. Еще понятнее причина исчезновения в О–38 Лариона, который не входил в XX в. в сотню популярных имен, и Варвары (если в 1914 г. по частотности она занимала 31-е место, то уже в 1934 г. лишь 85-е). Зато добавленные в О–35 строки с иностранными и крестьянскими именами оставлены без изменения: переработка Эффенди осуществлялась во многом для подчеркивания идейных тенденций, которые отражены в этой редакции. Для закрепления эффекта введены еще два редких имени — Глеб и Никита, воспринимавшиеся как явные архаизмы (второе в те годы охотно меняли [Никонов 1988, 37]), и два новых, отсутствовавших в святках, официально появившихся только

в СССР, — Игорь и Маргарита (их носители при крещении записывались обычно соответственно как Георгий и Марина): с 1917 г. к 1937 г. эти имена переместились соответственно с 74-го и 87-го места на 33-е и 38-е (соотношение прямо пропорционально тому, что мы видели у имени «Варвара»).

Описание лагеря: «Видишь — за поляной / Город полотняный. / Ветер набежит, / Город задрожит. / Домики косые, / Жители босые¹² / А люди говорят: / В лагере — Отряд» [Маршак 1928а, 15] — переработано дважды. В О–28 поэт стремился конкретизировать и сделать динамичнее образ: косыми стали улицы, а не палатки, которые изображены подробнее: «Домики / не мазаны, / К палочкам / привязаны, / Словно¹³ паруса / Рвутся в небеса» [Маршак 1968, 367]. Усилена символика легкости / непрочности и полета / движения. Эмоционально созданию динамического образа содействует ритм: преобладание коротких 3-стопных строк над 4-стопными и разбивка большинства их на полустипхи. В О–33 дополнено и изменено начало: «На пригорке — новый дом: / Смотрит окнами кругом. / Всех он сосен выше. / Красный флаг на крыше. // А напротив — за поляной / Белый город полотняный. / Если ветер набежит, / Целый город задрожит» [Маршак 1968, 366–367]. Вставка, во-первых, объясняется изменением реалий: пионерское движение обретает все более официальный характер, увеличивается финансирование, лагеря преобразуются из палаточных городков, устроенных силами ребят и вожатых, в постоянные постройки в специально отведенных местах. Поэт запечатлел первую фазу этого долгого процесса: пионеры еще живут в палатках, по-походному, а центральная база лагеря уже размещена в доме. Во-вторых, идейный эффект введенных строк в том, что административное новое и, очевидно, прочное здание явно доминирует над колеблемым ветром городком палаток и окружающим ландшафтом (выше всех сосен, смотрит окнами кругом), полностью контролируя происходящее. В стихийное существование коллективного героя вносится руководящее начало. Появляется и советская символика, редкая у Маршака (красный флаг на крыше). В-третьих, в первых четверостишиях 3-стопный хорей сохранился лишь в двух строках и заменен на более медленный 4-стопный. Ритмическая перестройка усиливает ощущение прочности, основательности описываемого (от подобной переделки в О–30 сцены гребли поэт отказался). Наконец, в финале О–35 о том, что Отряд в лагере, говорят уже не люди, а трубы [Маршак 1968, 367], что возвышает картину, делает ее поэтичнее, и, как ни странно, конкретизирует: действи-

тельно, о присутствии в лагере именно пионеров известно прежде всего по звуку горнов.

Главная идеологическая правка — добавленный в О-30 эпилог. Начинается он в тон прежним главам: «Что это под кленом / Весело горит? / Кто в лесу зеленом / Громко говорит?» [Маршак 1968, 367]. Однако далее точка зрения на изображаемое с внешней меняется на внутреннюю, присущую самому Отряду (посторонний наблюдатель исчезает): «Это весело горит / Старый пень косматый, / Это громко говорит / Пионервожатый. / Об отряде и о школе, / О работе завтра в поле, / О немецком комсомоле, / О советском ледоколе, — / Разве все упомянуть, что ли, / Что он говорит! / Хорошая растопка — / Сосновая кора. / Давно кипит похлебка, / Хлебать ее пора. // Трещит в золе картошка, / Палит, как пулемет, / Обуглилась немножко — / Да как-нибудь сойдет. / Чернеет сук рогатый, / Дымится головня. / Выхватывай, ребята, / Картошку из огня!» [Маршак 1968, 367–368]. В О-30 последние 3 строки: «Распалась головня, / — Спать ложись, ребята, / До завтрашнего дня!» [Маршак 1930, [18]] — замыкали дневной цикл. Итоговый финал более открытый. Уже первые рецензенты заметили: к концу стихотворения остранение исчезает, тон (в том числе и юмор) становится особенно сочувственным. Учитывая замечания критики, поэт добавил знаковые пионерские реалии (костер, беседа на актуальные темы, фигура вожатого), вновь пытаясь напомнить о руководстве и очертить круг идеологических задач отряда, но одобрения эта правка не вызвала. Даже наиболее доброжелательный рецензент писал: «Взятый автором прием постепенно раскрывающейся загадки позволяет ему придать описаниям пионерского быта характер неожиданности. В этом большая искренность, своеобразная прелесть книжки, но в этом же и ее слабость. Описывая пионеров как некий оригинальный, любопытный народ, автор слишком бегло, поверхностно, незначительно показывает в пионерах то особенное, что делает их не просто веселой детской компанией, но и революционной сменой, помощниками партии и комсомола, маленькими большевиками. В свое время в пионердвижении было сделано много ошибок, наших ребят заставляли слишком рано усваивать сложные политические отношения двух борющихся миров. <...> / Для того времени книжка Маршака являлась попыткой своеобразного и вполне законного лирического протеста против повальной „засухи“, охватившей всю детскую литературу, против известных „левацких“ перегибов в пионерской работе. / В результате получился некоторый перегиб в другую сторону. Книжка, давая почувствовать коллективизм отря-

да, недостаточно подчеркивает ту социальную насыщенность, тот классово-политический коэффициент, на который нужно помножить всю сумму биологических и коллективистических признаков, свойственных здоровой детской среде, для того чтобы показать пионерский отряд во всей его специфике. Правда, в книжке есть вожатый... Есть упоминание о марше Буденного, рассказано о работе отряда в поле. Однако все это... ..недостаточно проникнуто социальной классовой характеристикой пионерии, ее типическими качествами. / Отмеченные недостатки не снимают того факта, что „Отряд“ заслуженно является одной из любимых детских книг» [Болотин 1933, 15]. Ценив обращение Маршака к актуальной теме, отдавая должное его мастерству, блюстители идеологических канонов не обнаружили в книжке о пионерах собственно пионерского элемента, и им трудно отказать в проникательности. Бодрый буденовский марш охотно распевала молодежь любой социальной среды¹⁴. Маршировка, закаливание тела, спорт, отдых на воде, лагерь, костер, даже поднятие флага (нужного не только как символ, но и для ориентирования в лесу) и помощь по хозяйству местному населению — все это характерно для любой юношеской организации от современных Маршаку скаутов (именно они, в частности, ввели в обиход унаследованную пионерами песню про картошку) до спортивных и туристических клубов наших дней. Речь же вожатого (идеологическая доминанта текста) преподнесена не без иронии: она плохо усваивается и не удерживается в памяти утомленных за день ребят¹⁵. Поэт одобряет коллективный отдых подростков на природе, видит в их единении здоровую и естественную созидательную силу, но злободневный аспект пионерского движения если и не вовсе чужд, то мало интересен Маршаку. Он всегда проявлял особое внимание к вечным, универсальным проблемам воспитания, организуя и детский городок в Екатеринодаре во время гражданской войны, и ряд отделов дворца пионеров в Ленинграде 1930-х гг. Эта позиция сложилась еще в юности, когда поэт несколько месяцев прожил в английской педагогической коммуне. Тогда же в Англии он мог ближе познакомиться и с основами скаутизма. Не исключено, что со временем обнаружатся скаутские тексты, предвосхитившие «Отряд». Создавая и перерабатывая стихотворение о пионерах, Маршак зафиксировал, обобщил лишь те их черты и занятия, которым симпатизировал, не заботясь о политической актуальности.

Позднее он касался, уже не комплексно, отдельных особенностей пионерского движения в немногих произведениях, вышедших

с середины 1930-х гг. и особенно после войны¹⁶. Недостаточно идеологически выдержанная книжка, таким образом, исчезла из печати в самый опасный для ее автора период вынужденного переезда в Москву после разгрома возглавляемого им издательства. Она распалась на несколько текстов на ту же тему, заместивших ее, но уже не производивших особого эффекта и не приобретших известности. Переиздавать рядом с ними «Отряд» поэт не спешил, ведь, несмотря на оттепель, требования политического пафоса при изображении пионеров оставались в силе, вневременной же характер старой книжки масштабнее проявился бы на фоне новых произведений, особенно созданных подражателями формальных открытий Маршака (ср. например, «Мой друг» (1939) С. В. Михалкова, где также создан образ коллективного героя).

Заслуженно ли позабыт «Отряд»? Быть может, его идейная невыдержанность, обращенность к культурным архетипам окажется по достоинству оценена и востребована именно после ухода пионерской организации в прошлое.

Примечания

¹ Воспроизведен в книжке «Веселый час» [Маршак 1929, 8–9].

² Этот вариант воспроизведен в сборнике «Юный затейник» [Юный затейник 1934, 36–37].

³ Воспроизведено в 1930 г. и 1931 г.

⁴ В наше время оно настолько забыто, что минимально измененный отрывок из него некий Владимир Марин безнаказанно поместил в Интернете под своим именем (<https://stihi.ru/2012/11/29/5275>). На фоне практики интернет-плагиата любопытно то, что другие попытки Марина приписать себе чужие стихи (например, раннюю редакцию «Обезьяны» того же Маршака из цикла «Детки в клетке») сопровождались возмущенными комментариями, а вот стихотворение «Отряд» как плагиат не было опознано.

⁵ Косвенно подтверждает успех стихотворения эпизод путевых очерков Л. Овалова и А. Шаповаловой о Сибири «Непосредственные впечатления»: воспитательница сельских яслей по просьбе детей «послушно раскрывает зачитанную, много раз порванную и тщательно подклеенную... книжку Маршака. / — Отряд! — предупреждают ее ребята. <...> Не глядя на знакомые строки, Агния наизусть читает стихи <...>. / — Наш Алешка! / — Я — Колька! / — Про тебя, Ларя. <...> / Ребятишки перебивают Агнию, восторженно кричат понятные и знакомые слова, торопясь произнести их обязательно раньше Агнии» [Овалов, Шаповалова 1932, 40]. Восхищение «Отрядом», доходящее до самоотождествления с героями книжки, противопоставлено в очерке раздраженной

реакции тех же ребят на стихотворение «Пудель», резко порицавшееся в те годы: «Слушатели стихов не понимают, действия буржуазной городской старушки ойротским детям кажутся бессмысленными, множество слов совершенно незнакомо» [Овалов, Шаповалова 1932, 40]. Подобно критикам рубежа 1920–30-х гг., Овалов и Шаповалова, стремятся продемонстрировать идеологическую двойственность творчества Маршака, опираясь на мнение детской аудитории.

⁶ См., например: [Маршак 1968, 364–368; Маршак 1971, 115–124; Маршак 1973, 203–207].

⁷ Ср., например: [Каган 1929].

⁸ Показательно, что в перечень основных норм первого комплекса БГТО 1931 г. верховая езда входила [Значок 1931, 23], а в 1937 г. лишь попутно упоминается как возможная альтернатива велоспорту для I ступени и лыжному пробегу для II ступени в бесснежных районах [Нормы 1937, [6, 13]]. Накануне Великой Отечественной войны, после устранения сторонников новейшей военной техники во главе с М. Н. Тухачевским (начальником ленинградского военного округа в период работы Маршака над «Отрядом») консервативное армейское руководство возобновило пропаганду кавалерийской подготовки.

⁹ «Лица, управляющие экипажами (так именовались все средства транспорта — *Н. Г.*), обязаны уступать дорогу: а) пожарным машинам, б) санитарным экипажам, в) партиям арестованных, г) всякого рода организованным шествиям, д) воинским частям. В случае недостатка места для проезда и прохода, экипажи должны останавливаться и ждать до тех пор, пока путь не будет освобожден» [Правила 1930, 5]. Аналогичные предписания были обнародованы во всех крупных городах.

¹⁰ Свердловия — Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, работающий в Москве с 1918 г. по 1937 г.

¹¹ Фонетически общие места даны курсивом, чередование мужских и женских имен — сокращениями. Транскрипция отсутствует, чтобы не увеличивать объем статьи.

О–ЕЖ: «Ванька он / И Коля, / Манька он / И Оля, / Ленка / И Сережа, / Сонька / И Матрешка» [Маршак 1928, 14] — мм / жж / мм / жж;

О–1928: «Ванька он / И Варька, / Танька он / И Ларька, / Коля / И Сережа, / Оля / И Алешка» [Маршак 1928а, [4]] — мж / жм / мм / жм;

О–1930: «Ванька он / И Коля, / Манька он / И Оля, / Ленка / И Сережа, / Сонька / И Алешка» [Маршак 1930, [4]] — мм / жж / мм / жм;

О–1933: «Ванька он / И Варька, / Танька он / И Ларька, / Коля / И Сережа, / Оля / И Алешка» [Маршак 1933, [4]] — мж / жм / мм / жм;

О–1935: «Ванька он / И Варька, / Танька он / И Ларька, / Коля / И Сережа, / Оля / И Алешка, / Фридрих и Алиса, / Тит и Василиса» [Маршак 1968, 364–365] — мж / жм / мм / жм / мж / мж.

¹² В О–ЕЖ далее — перечисление имен.

¹³ В последующих изданиях «будто».

- ¹⁴ Ср. реакцию на эту песню жителей провинциального местечка, далеких от советской идеологии, в повести М. Козакова «Абрам Нашатырь, содержатель гостиницы» (1927): « — Красного генерала! Ну! — / И зашагает по „Марфе“ (название кафе — *Н. Г.*) буденновская песня, и начнут присутствующие сначала тихонько, а потом все громче подпевать музыкантам, — выхлюпнется на Херсонскую — через раскрытые окна — легко подхваченная ею песенная удаль: остановятся у окон прохожие, чувствуют себя бодрей разгуливающие по улице проститутки и кокетливые булычугские барышни, и веселей станет скучающему на посту молодому милиционеру» [Козаков 2002, 175–176].
- ¹⁵ Примеры непонимания пионерами того, что проповедуют вожатые, находим в документальной литературе. Так режиссер В. И. Шокорев записал 19 марта 1925 г.: «Я разговаривал вчера с одной пионеркой, она говорила мне: „мы клялись исполнять заветы Ильича“, „а какие заветы дал вам — пионерам Владимир Ильич?“, — спросил я. „А фик (*sic!* *В остальном текст приведен в соответствие с современной орфографией и пунктуацией — Н. Г.*) их знает“, — был ответ. Оказалось, что никто из пионеров не мог мне сказать, какие заветы они клялись исполнять. Я сказал об этом руководительнице пионерского кружка» [Шокорев 1925].
- ¹⁶ Так, стихотворение «Твой день» / «Рано вставать — рано в кровать» (1935 / 1937) посвящено вопросам гигиены, бытовой дисциплины, режиму дня, «Капитан» (1950), «Артек» (1952) — благотворному влиянию коллективного отдыха в лагере на формирование личности, «Старше моря, выше леса» (1952) — мощному потенциалу преодоления стихий, скрытому в пионерах.

Литература

Источники

Гога Пупкин 1933 — Гога Пупкин приходит в школу // Пионерская правда. 1933. № 100(1241), 1 сент. С. 4.

Дмитревский 1969 — Дмитревский Вл. Вожак // Всегда готов!: рассказы о ленинградских пионерах. Л.: Лениздат, 1969. С. 46–61.

Значок 1931 — Значок «Готов к труду и обороне»: положение и инструкция по сдаче испытаний, утвержденные ВСФК СССР. М.; Л.: ОГИЗ: Физкультура и туризм, 1931.

Каган 1929 — Каган А. Г. 45 дней среди молодежи. Л.: Прибой, 1929.

Козаков 2002 — Козаков М. Э. Избранное. М.: Издательство «Гудьял-пресс», 2002.

Кудинов 1972 — Кудинов Б. Ласточки нового мира // Пламя первых костров. М.: Московский рабочий, 1972. С. 44–89.

Малахов 1925 — Малахов С. А. О партии и любимой // Русская поэзия XX века: антология русской лирики от символизма до наших дней / И. С. Ежов, Е. И. Шамурин; с вводной статьей В. Полянского. М.: Новая Москва, 1925. С. 548–549.

Маршак 1928 — Маршак С. Я. Отряд // Еж. 1928. № 1, янв. С. 14–16.

Маршак 1928a — Маршак С. Я. Отряд. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

Маршак 1929 — Маршак С. Я. Веселый час: песни, загадки, прибаутки, считалки. Л., 1929. (Приложение к журналу «Еж»).

Маршак 1930 — Маршак С. Я. Отряд. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.

Маршак 1933 — Маршак С. Я. Отряд. М.; Л.: Молодая гвардия, 1933.

Маршак 1938 — Маршак С. Я. Отряд / в обработке М. А. Эффенди. Баку: Азернешр, 1938.

Маршак 1968 — Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. В. М. Жирмунского [и др.]. М.: Художественная литература, 1968–1972.

Маршак 1971 — Маршак С. Я. Сказки. Песни. Загадки. М.: Детская литература, 1971.

Маршак 1973 — Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. В. Смирновой; сост. В. Смирновой и М. Гаспарова; подгот. текста и примеч. М. Гаспарова. Л.: Советский писатель, 1973.

Никонов 1988 — Никонов В. А. Ищем имя. М.: Советская Россия, 1988.

Нормы 1937 — Нормы «готов к труду и обороне» (ГТО): БГТО. ГТО I. ГТО. II-й ступ. Киев: Издательство спортивного общества «Здоровье» при ЦК МСТ Украины, 1937.

Популярность — Популярность имен в Москве и области в XX веке // Меркатор. <https://names.mercator.ru/#>.

Овалов, Шаповалова 1932 — Овалов Л., Шаповалова А. Непосредственные впечатления // 30 дней. 1932. № 3. С. 27–40.

Панферов 1972 — Панферов А. Когда мы были пионерами // Пламя первых костров. М.: Московский рабочий, 1972. С. 196–238.

Правила 1930 — Правила уличного движения. М.: Издательство газеты «Известия Мособлисполкома», 1930.

Пришвин 2009 — Пришвин М. М. Дневник. 1932–1935: Кн. восьмая. СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2009.

Чуковский 1988 — Чуковский К. И. Маршак // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке. М.: Советский писатель, 1988. С. 123–142.

Чуковский 2013 — Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013.

Шокорев 1925 — Шокорев В. И. Дневник, 1925–1927 // Прожито: корпус дневников. 1925. 10 февр. <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B1573%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=25>.

Юный затейник 1934 — Юный затейник: [сб.] / сост. И. А. Сарайкин. Испр. изд. [Сталинград]: Сталинградское краевое государственное издание (Краснодар: тип. Адыгнациздата), 1934.

Исследования

100 книг 1931 — 100 книг твоему ребенку. М.; Л.: [ОГИЗ СССР], 1931.

Болотин 1933 — Болотин С. Лирический силуэт пионерии: (Маршак С. «Отряд») // Детская и юношеская литература. 1933. № 9. С. 14–15.

Бухштаб 1975 — Бухштаб Б. Поэзия Маршака 20-х годов // Жизнь и творчество Маршака. М.: Детская литература, 1975. С. 70–80.

Леонтьева 2005 — Леонтьева С. «Кто шагает дружно в ряд?»: (Об одном жанре пионерской словесности) // Живая старина. 2005. № 4. С. 27–31.

Майзель 1928 — Майзель М. Порнография и патология в современной литературе // Голоса против: Критический альманах / Г. Горбачев, Г. Ефимов, М. Майзель, Е. Мустаимова, Зел. Штейнман. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 115–173.

Трифопова 1931 — Трифонова Т. Революционная детская книга // Детская литература: критический сборник / под ред. А. В. Луначарского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. С. 22–42.

Чупырина 1930 — Чупырина Л. Продукция детской книги за 1929 г. // Книга детям. 1930. № 2–3. С. 7–16.

References

100 knig 1931 — 100 knig tvoemu rebenku [100 books for your child] (1931). Moscow, Leningrad: OGIZ SSSR.

Bolotin 1933 — Bolotin, S. (1933). Liricheskiy siluet pionerii (Marshak S. “Otryad”) [Lyrical silhouette of the pioneers (Marshak S. The Squad)]. Detskaia i yunosheskaya literature, 9, 14–15.

Bukhshtab 1975 — Bukhshtab, B. (1975). Poesiya Marshaka 20-kh godov [Poetry of Marshak of the 20s]. In Zhizn i tvorchestvo Marshaka [Life and work of Marshak] (pp. 70–80). Moscow: Detskaia literatura.

Chupyryina 1930 — Chupyryina, L. (1930). Produktija detskoy knigi za 1929 god [Children’s book production for 1929]. Kniga detyam, 2–3, 7–16.

Leont'eva 2005 — Leont'eva, S. (2005). “Kto shagaet družno v ryad?” (Ob odnom zhanre pionerskoy slovesnosti) [“Who walks together in a row?” (About one genre of pioneer literature)]. *Zhivaya starina*, 4, 27–31.

Mayzel' 1928 — Mayzel', M. (1928). Pornografiya i patologiya v sovremennoy literature [Pornography and pathology in modern literature]. In G. Gorbachev, G. Efimov, M. Majzel', E. Mustaigova, Zel. Shtejnman (Eds.), *Golosa protiv: Kriticheskij al'manah* [Votes against: Critical almanac] (pp. 115–173). Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade.

Trifonova 1931 — Trifonova, T. (1931). Revolyucionnaya detskaya kniga [Revolutionary children's book]. In A. V. Lunacharskii (Ed.), *Detskaia literatura: kriticheskij sbornik* [Children's literature: a critical collection] (pp. 22–42). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

Nikolai Guskov

Saint Petersburg State University; ORCID: 0000-0001-6189-2709

THE CREATIVE HISTORY OF THE FORGOTTEN BOOK BY
SAMUIL MARSHAK'S

The article compares six versions of Samuil Ya. Marshak poem *Otrjad* (Detachment): its publication in the magazine *Ezh* (Hedgehog) (1928); separate editions 1928, 1930 and 1933; the final text published in the collection in 1935; and a revision by M. A. Effendi in 1938. This poem marks Marshak's first engagement with the theme of the pioneer movement. The book was widely known, popular, highly praised by critics; however, from 1938 until the poet's death, it was never reprinted and is now entirely forgotten. Analyzing the poetics, themes, and creative history of the text helps to understand the reasons behind its unusual fate. With each reprint, Marshak revised the text to reflect changes in societal realities, public sentiment, stylistic and ideological trends of that time, and critical reception. The poet's desire to reconcile his creative attitudes with external requirements led to a compensatory editing method: the composition and style, new themes were modified, but the subtext was preserved — philosophical, ethical issues, important for Marshak, running through all of his work. Marshak's pedagogical stance only partially aligned with the objectives of the pioneer movement; as a result, while the text captivated and delighted readers, it failed to reflect the political specifics of the children's organization, and ceased to be published after the appearance of poems about pioneers written by other authors in accordance with official ideology. However, the universality and archetypal content, the poetic mastery of the book *The Detachment* remained relevant and deserving of attention from modern readers.

Keywords: Samuil Marshak, children's literature, creative history, textology, Russian poetry of the 20th century, images of pioneers